

Думается, что все сказанное выше въ достаточной мѣрѣ разъясняетъ, сколь велика была заслуга Щепкина въ утвержденіи реалистическаго направленія на русской сценѣ, понимаемаго въ только что указанномъ смыслѣ.

Нельзя закончить настоящаго очерка, не сказавъ нѣсколько словъ еще по одному вопросу. Я уже не разъ отмѣчалъ въ предшествующемъ изложеніи, что Щепкинъ встрѣтилъ холодно появленіе первыхъ пьесъ Островскаго.

Какъ же могло случиться, что основоположникъ русскаго сценическаго реализма не оцѣнилъ крупнѣйшаго послѣ Гоголя представителя русской реалистической драматургіи? Я думаю, что вопросъ этотъ сложенъ и во всякомъ случаѣ требуетъ осторожнаго изслѣдованія.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на нѣкоторыя привходящія обстоятельства, имѣвшія свое несомнѣнное значеніе. Во-первыхъ, Щепкинъ мало зналъ тотъ бытъ замоскворѣцкаго купечества, который былъ открытъ Островскимъ для міра искусства. А между тѣмъ Щепкинъ, какъ истинный реалистъ, могъ возводить въ перлъ созданія лишь то, съ чѣмъ онъ былъ знакомъ въ самой жизни. Во-вторыхъ, Щепкина охлаждалъ тотъ тенденціозный славянофильствующій шумъ, который поднимали тогда около Островскаго его поклонники съ Аполлономъ Григорьевымъ во главѣ. Этотъ шумъ сводился къ приподнято-ходульной идеализаціи „русской души“, въ сущности вовсе и не составлявшей органической стихіи творчества Островскаго, а навязывавшейся Островскому кружковой тенденціей, которой Щепкинъ не могъ сочувствовать ни въ качествѣ „западника“, ни въ качествѣ художника-реалиста. „Бѣдность не порокъ, да вѣдь и пьянство не добродѣтель“, говорилъ Щепкинъ по поводу Любима Торцова, и въ этихъ словахъ я нахожу именно протестъ не противъ реализма Островскаго, а противъ нѣкоторой идеализирующей тенденціи, которую Щепкинъ считалъ съ реализмомъ не совмѣстимой.

скаго искусства, съ которой именно и приходилось бороться Щепкину и совершенно уродливое отклоненіе которой отъ образовъ подлинной дѣйствительности ярко описано самимъ Щепкинымъ въ его „Запискахъ“ и въ его письмахъ.